

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1115–1126, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.35

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1115-1126

«Кавказско-татарский язык» как *lingua franca* российского переводчика: лингвистические исследования и преподавательская деятельность Т. Н. Макарова

Андрей Владимирович Бедрик¹, Инна Викторовна Ковтуненко²,
Игорь Александрович Кудряшов³, Артем Юрьевич Перетяцько⁴

- ¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, директор Института

0000-0002-7549-4629. E-mail: abedrik@bk.ru

- ² Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

0000-0002-9559-6227. E-mail: iv.kovtunenko@yandex.ru

- ³ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

0000-0001-5449-864X. E-mail: igalk@mail.ru

- ⁴ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, заведующий

0000-0003-2779-2223. E-mail: artperetatko@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бедрик А. В., Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А., Перетяцько А. Ю., 2024

Аннотация. *Введение.* Представленная статья посвящена комплексной реконструкции значимого исторического сюжета, связанного с последовательным формированием базовых грамматических конструкций универсального кавказского языка в исследовательской практике и педагогической деятельности Т. Н. Макарова. Практическая работа самобытного лингвиста осуществлялась в различных социокультурных условиях, среди которых особое место занимает профильное отделение восточных языков при Новочеркасской гимназии. Творческая деятельность Т. Н. Макарова не получила однозначной оценки в рамках предшествующей историографической традиции, что определялось сложным комплексом разнообразных факторов, нередко имевших конъюнктурный характер. *Материалы и методы.* Эмпирический материал, вводимый в научный оборот, реконструирован на основе документальных материалов специализированного фонда 358 «Дирекция народных училищ области войска Донского», находящегося в Государственном архиве Ростовской области. Методологической основой исследовательской

практики стала микроисторическая эвристика, верифицируемая в рамках компаративной реконструкции интеллектуальных сюжетов в заданном социокультурном контексте. *Результаты и выводы.* В качестве основного языка Кавказа Т. Н. Макаров рассматривал «кавказско-татарский язык», представлявший своеобразную lingua franca дифференцированных горских сообществ. Искусственное объединение несходных говоров по географическому принципу самобытный лингвист рассматривал как полноценный языковой конструкт, отдельные наречия которого безусловно понимаются в любой точке избранного территориального анклава. Личное отношение Т. Н. Макарова к «кавказско-татарскому языку» имело инструменталистский характер, ориентированный на практическую подготовку профессиональных переводчиков. Российский специалист недооценивал существенные различия между отдельными наречиями, утверждая, что полноценное владение одним говором позволяет свободно обучать избранных носителей близких лексических конструкций.

Ключевые слова: язык, лингвистика, грамматика, Кавказ, гимназия, переводчик, кумыкский, татарский, наречие, культура

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Для цитирования: Бедрик А. В., Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А., Перетятко А. Ю. «Кавказско-татарский язык» как lingua franca российского переводчика: лингвистические исследования и преподавательская деятельность Т. Н. Макарова // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1115–1126. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1115-1126

‘Caucasian Tatar’ as Lingua Franca for a Russian Translator: Linguistic Studies and Teaching Activities of Timofey N. Makarov

Andrei V. Bedrik¹, Inna V. Kovtunenکو², Igor A. Kudryashov³, Artyom Y. Peretyatko⁴

- ¹ Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Cand.Sc. (Sociology), Director of Institute

 0000-0002-7549-4629. E-mail: abedrik[at]bk.ru

- ² Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-9559-6227. E-mail: iv.kovtunenکو[at]yandex.ru

- ³ Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-5449-864X. E-mail: igalk[at]mail.ru

- ⁴ Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Head of Laboratory

 0000-0003-2779-2223. E-mail: artperetatko[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bedrik A. V., Kovtunenکو I. V., Kudryashov I. A., Peretyatko A. Yu., 2024

Abstract. Introduction. The article attempts a comprehensive reconstruction of one significant historical episode — the consistent shaping of basic grammatical constructs for the universal Caucasian language in scholarly endeavors and pedagogical activities of Timofey N. Makarov. The original linguist would undertake his efforts in various sociocultural contexts, including Oriental Languages Department of Novoчеркасск Gymnasium. T. Makarov’s legacy never received unambiguous assessments in the previous historiographic tradition, which was determined by a variety of factors (including those of opportunistic nature). *Materials and methods.* The to-be-introduced empirical material is reconstructed on the basis of documents contained in Collection 358 (‘Public Schools Directorate of Don Host Oblast’) at the State Archive of Rostov Oblast. In terms of methodology, the study

rests on principles of microhistorical heuristics to be verified within a comparative reconstruction of intellectual plots (episodes) in a specified sociocultural context. *Results and conclusions.* T. Makarov considered 'Caucasian Tatar' to be the main language of the Caucasus serving as *lingua franca* for diverse highland communities. The original linguist would examine the artificial unification of dissimilar dialects by a geographical principle as a full-fledged linguistic construct with individual dialects be unconditionally understood in any point of the specified territory. Having been focused on practical training of professional translators, T. Makarov's would maintain essentially instrumental attitudes to 'Caucasian Tatar'. The Russian expert tended to underestimate significant differences between individual dialects, and insisted that full proficiency in one of the latter did make it possible to teach others characterized by similar lexical constructs.

Keywords: language, linguistics, grammar, Caucasus, gymnasium, translator, Kumyk, Tatar, dialect, culture

Acknowledgements. The reported study was funded by S FedU Strategic Academic Leadership Program ('Priority 2030').

For citation: Bedrik A. V., Kovtunen I. V., Kudryashov I. A., Peretyatko A. Yu. 'Caucasian Tatar' as Lingua Franca for a Russian Translator: Linguistic Studies and Teaching Activities of Timofey N. Makarov. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1115–1126. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1115-1126

1. Введение

В середине XIX в. своеобразный процесс культурного освоения Кавказа, вовлечения его территорий в культурное пространство Российской империи был еще далеко не завершен. И одной из тех сфер, в которых русские только осваивали Кавказ, была сфера языковая. Как показали В. И. Колесов и Д. В. Сень, сразу же после создания Черноморского казачьего войска в 1792 г. его администрация ощутила потребность в людях, владеющих «восточными языками», и начала их поиск, однако число подобных специалистов оказалось невелико [Колесов, Сень 2020: 611]. Как видно из анализа современными учеными биографий посланников из Черноморского казачьего войска в османскую Анапу и переводчиков при войске, в их числе не было людей, получивших специальное лингвистическое образование: это были либо носители языка «из турецких эмиров», «из армян» и т. д., либо каким-то образом овладевшие хотя бы устной речью на соответствующих языках российские офицеры [Колесов, Сень 2020: 611–615]. В. И. Колесов и Д. В. Сень прямо пишут о «дефиците „профессиональных“ переводчиков», который сохранялся на Кавказе как минимум до 1830 г., и принуждал пользоваться услугами лояльных горцев и даже перебежчиков, порой плохо знавших русский язык [Колесов, Сень 2020: 615–616].

Таким образом, еще до того, как российские ученые начали изучать кавказские языки, возникла чисто практическая потребность в переводчиках, осуществлявших коммуникацию между русскими чиновниками и различными группами населения Кавказа.

Какой же видели языковую картину Кавказа эти непрофессиональные переводчики в те времена, когда научное изучение кавказских языков только зарождалось? Конечно, однозначно ответить на этот вопрос едва ли возможно, и, вероятно, единой картины кавказских языков просто не существовало: для османского перебежчика, местного горца и русского офицера она была разной. Однако в Государственном архиве Ростовской области сохранилось крайне любопытное дело, связанное с попыткой одного из подобных переводчиков, Т. Н. Макарова, создать единый «учебник кавказско-татарского языка» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151]. Хотя самого учебника в нем нет, полученные на него критические рецензии и ответы Т. Н. Макарова позволяют реконструировать как раз языковую картину Кавказа в глазах непрофессионального русского переводчика с тюркских языков середины XIX в.

Достаточно любопытна и сама личность Т. Н. Макарова, а особенно ее отображение в современной историографии. Дагестанскими учеными роль Т. Н. Макарова в развитии языкознания Кавказа описывается

положительно, а сам он позиционируется как автор «первой кириллической грамматики кумыкского языка» [Абдуллабекова 2018: 24–28]. Вообще, из забвения фигуру Т. Н. Макарова вернули именно дагестанские исследователи, публиковавшие статьи о русском переводчике не только в специальной литературе, но и в газетах [Алиев 1982: 7], и в научно-популярных изданиях [Муцалханов 2003]. Наметилась и определенная идеализация ими этой фигуры: так, М. С. Муцалханов даже утверждал, будто бы «из числа всех исследователей тюркских языков Кавказа того времени, как нам представляется, Т. Н. Макаров более объективно подошел к оценке кумыкского языка, и он, мы это видели выше, с большой симпатией отзывался о нем» [Муцалханов 2003]. Однако исследователями из других кавказских республик Т. Н. Макаров, напротив, критикуется как противник развития кавказских языков. Так, согласно Т. А. Бекоевой и А. Г. Кудзаевой, Т. Н. Макаров утверждал, что будто бы «кабардинский язык не изучался по причине того, что он не имеет письменности, бесполезен и не нужен» [Бекоева, Кудзаева 2014: 3–4]. При этом работ, сколько-либо полно раскрывающих последовательность взглядов Т. Н. Макарова на кавказские языки, не существует, и в историографии сосуществуют как бы два образа этого переводчика: прогрессивный русский деятель, сторонник развития кумыкского языка, и реакционер-централизатор, ратовавший за полную русификацию горских племен.

Более того, главный труд Т. Н. Макарова, «Татарскую грамматику кавказского наречия», в историографии тоже ждала двойственная судьба. Долгое время считалось, что под «кавказским наречием» Т. Н. Макаров подразумевал азербайджанский язык, и его работа упоминалась (но не анализировалась!) как одна из первых азербайджанских грамматик [Кримский 1974: 492–493].

Только в 1960–1970 гг. в дагестанских научных изданиях начинает высказываться мнение, что «кавказское наречие» Т. Н. Макарова — это не азербайджанский, а кумыкский [Абдуллабекова 2018: 24–25].

В 1982 г. уже председатель советского комитета тюркологов академик А. Н. Конанов публикует небольшую статью «Из истории кумыкского языкознания», в которой подтверждает, что «Татарская грамматика кавказского наречия» фактически описывает кумыкский язык [Конанов 1982: 48–50].

Подобная неопределенность возникла не случайно и была порождена как раз несоответствием той картины языков Кавказа, которой придерживался Т. Н. Макаров, позднейшим научным взглядам. Как мы видим, его грамматика называлась грамматикой кавказского наречия татарского языка. Хотя рассуждения русского переводчика на этот счет были не слишком вняты, Т. Н. Макаров и в тексте книги рассматривал все тюркские языки Кавказа как один язык, заявляя о разнице между его говорами следующее: «На Кавказе не все грамотные азиатцы одинаково учены, да и по русской пословице — что город, то нор, что деревня, то обычай — почти в каждом племени есть свои особенные слова и даже особые грамматические формы» [Макаров 1848: 4]. Таким образом, Т. Н. Макаров вполне осознанно и последовательно хотел составить грамматику «кавказского наречия татарского языка» вообще, а вовсе не кумыкского или азербайджанского. В основном русский переводчик действительно обращался к языку кумыков, однако обосновывал он это даже не столько наблюдавшейся у них «определенностью и точностью языка», сколько чисто практическими соображениями, тем, что «они живут на Левом Фланге Кавказской Линии, где у нас военные действия, и где все племена, кроме своего родного языка, говорят и по-Кумыкски» [Макаров 1848: 4]. Соответственно, далеко не факт, что в этом своем труде Т. Н. Макаров описывал какой-то реально существовавший кумыкский диалект, а не создавал некий условный конструкт «кавказского наречия татарского языка» на основе разных диалектов кумыкского с добавлением иных элементов. По крайней мере, как отмечают некоторые современные кумыкские лингвисты, установить, какой конкретно диалект лег в основу «Татарской грамматики кавказского наречия», не уда-

лось, а некоторые описанные в этой работе грамматические формы не подтверждаются другими источниками (впрочем, намного более поздними) [Абдуллабекова 2018: 26–27]. Кстати, отметим, что Д. М. Хандиева, другого переводчика без специального образования, пытавшегося самостоятельно создать учебник горского языка, причем, в отличие от Т. Н. Макарова, своего родного аварского, выдающийся русский лингвист П. К. Услар критиковал как раз за то, что он не брал за основу какой-то существующий диалект, но пытался создать на основе нескольких диалектов искусственную форму «общепринятого аварского» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 325. Л. 16об.].

2. Материалы и методы

Эмпирический материал, вводимый в научный оборот, реконструирован на основе документальных материалов специализированного фонда 358 «Дирекция народных училищ области войска Донского», находящегося в Государственном архиве Ростовской области. В частности в научный оборот впервые вводятся отдельные документы, содержащиеся в делах 151 «Дело о составлении учебника кавказско-татарского языка учителем Новочеркасской гимназии Макаровым» и 325 «Дело о составлении грамматики аварских наречий учителем отделения восточных языков Новочеркасской гимназии Хандиевым Д. М. и утверждении его в чине титулярного советника» [ГА РО. Ф. 358. Д. 151, 325]. Методологической основой исследовательской практики стала микроисторическая эвристика, верифицируемая в рамках компаративной реконструкции интеллектуальных сюжетов в заданном социокультурном контексте. Отдельное значение имеет использование традиционных методов лингвистического анализа — лексического, семантического, грамматического и стилистического — применительно к структурной и содержательной оценке отдельных элементов синкретического «кавказского наречия татарского языка», сформированного Т. Н. Макаровым.

3. Предпосылки создания «учебника кавказско-татарского языка» Т. Н. Макарова

Главной особенностью языковой картины Кавказа, сформировавшейся у Т. Н. Макарова, было существование некоего единого «кавказского наречия татарского языка», для которого то, что современной наукой трактуется как полноценные языки, было лишь диалектами. И, прежде чем перейти к более подробной реконструкции этой картины на основе архивных источников, кратко обрисуем биографию Т. Н. Макарова и путь, которым он пришел к подобным выводам. Будущий переводчик родился в 1822 г., и полный курс обучения прошел в Астраханской гимназии (выпуск 1840 г.) [Абдуллабекова 2018: 25]. Хотя упоминается, что он слушал некие лекции в Санкт-Петербургском университете, степень его научной подготовки остается дискуссионным вопросом: по крайней мере, полного университетского курса он не кончал, зато получил в университете свидетельство гимназического учителя [Артинский 1907: 349]. В 1844 г. было принято принципиальное решение открыть отделение восточных языков при Новочеркасской гимназии для подготовки военных переводчиков в Кавказский корпус, и Т. Н. Макаров был командирован на Кавказ «для ознакомления с должностью переводчика вплоть до учреждения отделения» [Артинский 1907: 135]. В 1848 г. он издал свою «Татарскую грамматику кавказского наречия», в которой впервые, хотя и не вполне последовательно, отстаивал идею о существовании «кавказского наречия татарского языка» или даже полноценного «Кавказско-Татарского языка» [Макаров 1848: 4]. Кроме того, в этой книге переводчик выражал надежду в дальнейшем выпустить учебник и словари этого наречия / языка, а также сборник «анекдотов переводных и туземных» [Макаров 1848: 4].

В 1851 г. преподавание восточных языков при Новочеркасской гимназии наконец началось [Артинский 1907: 139]. И тогда же прибывший с Кавказа Т. Н. Макаров выступил с инициативой издать полноценный учебник, по которому можно было бы учить

детей «кавказско-татарскому языку» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–1об.]. Однако, как мы увидим ниже, учебник в печать не пошел. Дальнейшая биография Т. Н. Макарова изучена слабо. Известно, что в 1858 г. он перестал преподавать в Новочеркасской гимназии [Артинский 1907: 139]. С этого времени он занимал административные должности в штабе Кавказской линии и активно печатался в газетах «Кавказ» и «Иллюстрированная газета» [Абдуллабекова 2018: 25]. В 1870 г. Т. Н. Макаров вступил в полемику с горским просветителем К. Атажукиным, доказывая, что бесписьменным горским народам нужно не создавать письменность, но приучать их к письменности русской [Бекоева, Кудзаева 2014: 3–4]. В том же году и знаменитый П. К. Услар крайне едко высказался о статье в газете «Кавказ» некоего Т. М., выступавшего против создания горской письменности и ссылавшегося на французский опыт в Алжире, причем приводя в пример некую иллюстрацию, изображающую арабских детей, старательно читающих с доски французскую надпись. П. К. Услар обратил внимание, что эта надпись написана с грубейшими орфографическими и пунктуационными ошибками, и критиковал воззрения Т. М. так: «Предположим, что у нас в Дагестане, хотя бы на всех училищных досках, написано было: „дети! Любите Рассею ваше новое отечество“. Что бы путного вышло из этого?» [Услар 1870: 11].

Таким образом, нет никаких оснований рассматривать Т. Н. Макарова как ученого или просветителя. Его интерес к Кавказу был сугубо инструменталистским: поскольку этот регион входил в состав Российской империи, властям нужны были инструменты для его контроля, в том числе и инструменты языковые. Т. Н. Макаров совершенно прямо писал в предисловии к своей «Татарской грамматике кавказского наречия»: «я мог постигнуть всю ту степени пользы, какую могли бы принести Правительству Переводчики, если бы они были Русские, или знали бы основательно Русский язык» [Макаров 1848: 3]. Более того, главной целью Т. Н. Макарова в данном труде было «узнать язык народный», т. е. не столько научно описать язык или создать его письменность,

сколько дать возможность русским общаться с горцами (кстати, он указывал, что его пособие могут использовать в русских гимназиях и училищах, но ни словом не упоминал горские школы) [Макаров 1848: 4–7]. И это важно учитывать, когда мы описываем языковую картину Кавказа в представлении Т. Н. Макарова: это было представление завоевателя, который предпочел бы русифицировать данный регион, но, пока этого не произошло, были необходимы пособия исключительно для коммуникации русских с горцами, но никак не для полноценного развития горских языков.

4. Критика «учебника кавказско-татарского языка» Т. Н. Макарова академиком Б. А. Дорном и возражения на нее автора

О том, что освоение Кавказа Российской империей в языковом отношении в начале 1850-х гг. только начиналось, говорит уже то, что «учебник кавказско-татарского языка» Т. Н. Макарова первоначально был передан на рецензию выдающемуся востоковеду академику Б. А. Дорну, не являвшемуся, однако, специалистом по Кавказу. Его рецензия поэтому вышла малосодержательной. Б. А. Дорна не смутила даже формулировка «кавказско-татарский язык»: в его интерпретации, Т. Н. Макаров создал «учебник татарского общеупотребительного на Кавказе народного языка, а именно Кумыкского, Кумыкско-Ногайского, Закубанского, Азербиджанского и Турецкого наречий» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 10]. Однако Б. А. Дорну крайне не понравилось то, что учебник Т. Н. Макарова, использовавший арабскую графику для «кавказско-татарского языка», предлагал «доходящую почти до невероятности ошибочную орфографию слов, заимствованных из Арабского (и Персидского) языка» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 10–10об.]. Иными словами, Т. Н. Макаров записывал заимствованные из арабского и персидского языков слова в соответствии с их произношением горцами, а не первоначальным написанием. Отметим, что на сложности с написанием подобных слов в горских языках позже обращал внимание и П. К. Услар, указывавший, что

в силу различий фонетики горцы сильно искажают заимствованные из арабского слова, но местные просветители, обычно знатоки арабского, считают неприемлемым их искаженное написание [Услар 1870: 21–22]. В итоге Б. А. Дорн не рекомендовал издавать учебник Т. Н. Макарова до исправления «ошибок» в арабских и персидских словах, причем, судя по контексту, учебник не понравился академику в принципе: он считал возможным использовать представленный материал только «для первого обучения за недостатком лучшего» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 10об.].

Хотя рецензия Б. А. Дорна мало говорит о языковой картине Кавказа, сложившейся у Т. Н. Макарова, она важна как исходная точка для дошедшего до нас ответа переводчика. В этом ответе Т. Н. Макаров прежде всего объяснял, что для него, несмотря на десятилетнее обучение восточным языкам, Кавказ в языковом отношении оказался *terra incognita*: «Я не мог не только разговаривать с туземцами, но и понимать туземные письма» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11]. Он пытался подчерпнуть из существующих пособий по восточным языкам хоть что-то, но потерпел полную неудачу: «Руководства те не могут быть применяемы к наречиям Кавказским, отличающимся не только грамматическими формами, конструкцией, но и значением слов и правописанием» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11]. Стать переводчиком ему удалось, только благодаря практике, 2 годам, проведенным «постоянно в аулах», и 5 годам письменных переводов в штабе Кавказской линии [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11]. Все это и побудило Т. Н. Макарова создать собственный учебник, чтобы иметь сколько-либо адекватное кавказским реалиям пособие на отделении восточных языков Новочеркасской гимназии. Однако он писал этот учебник, «не зная людей, знающих кавказско-татарские наречия, советами которых мог бы воспользоваться» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11об.]. Таким образом, судя по тексту Т. Н. Макарова, еще в 1840-х гг. при Отдельном Кавказском корпусе не сложилось именно сообщества переводчиков, способных помочь новичку и направить советом, и

русский, даже изучавший восточные языки в России, оказывался в принципиально новой языковой реальности, которую должен был изучать самостоятельно, методом проб и ошибок.

Далее Т. Н. Макаров, хотя и благодарил Б. А. Дорна за замечания, переходил к разгромной критике академика, фактически обвиняя того в незнании реальной языковой картины Кавказа. Целью учебника Т. Н. Макарова действительно было описание общепотребительных наречий «кавказско-татарского языка», однако таковых наречий, по мнению автора, было не 5, как утверждал Б. А. Дорн, а только 3: кумыкское, ногайское и азербиджанское [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11об.]. По мнению Т. Н. Макарова, эти три наречия знал «весь Кавказ», включая «племена, не говорящие по-татарски и не имеющие для своего языка ни эмблем, ни букв» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12]. Турецкий язык он не считал «общепотребительным» на Кавказе, поскольку без него можно было обойтись. «По-турецки только пишут, и пишут более других грамотные», — дословно писал на этот счет Т. Н. Макаров [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12]. Наконец, некое «Закубанское наречие» появилось из очевидной сумбурности текстов Т. Н. Макарова и их неверной интерпретации Б. А. Дорном: переводчик хотел сказать не то, что у закубанских племен (ногайцев, шапсугов, абазинцев и др.) есть одно наречие, но то, что эти племена «пишут по-татарски», но говорят (кроме ногайцев) «на своих языках, не имеющих сходства с языком татарским» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12].

Таким образом, ответ русского переводчика Б. А. Дорну позволяет уточнить, что он подразумевал под «кавказско-татарским языком». «Кавказско-татарский язык» рассматривался Т. Н. Макаровым как конструкт не лингвистический, но инструменталистский, совокупность «татарских наречий», служивших языком межэтнического общения на Кавказе. Еще раз подчеркнем, что таких наречий он выделял три: кумыкское, ногайское и азербиджанское. Это важно потому, что в предисловии к «Татарской грамматике кавказского наречия» Т. Н. Макаров

предлагал и чисто лингвистическую классификацию «татарских наречий» в соответствии с их близостью к турецкому языку, и в ее рамках указанные три наречия стояли отнюдь не рядом: азербайджанское было четвертым, кумыкское — восьмым, а ногайское — десятым [Макаров 1848: 5–6]. Таким образом, и сам Т. Н. Макаров понимал, что объединение кумыкского, ногайского и азербайджанского «наречий» лингвистически не обоснованно, и, например, азербайджанская речь ставилась им ближе к речи турок, чем к речи ногайцев [Макаров 1848: 5–6]. Соответственно, конструирование «кавказско-татарского языка» было не ошибкой по незнанию, но осознанным, хотя и не оправдавшим себя шагом переводчика-практика, объединившего плохо изученные родственные «наречия» в один язык, исходя из их использования на смежных территориях.

Отвечал Т. Н. Макаров и на обвинения Б. А. Дорна в неверном написании арабских и персидских слов. Переводчик прежде всего подчеркивал, что ни в одном «кавказско-татарском наречии» не выработано единых норм правописания, и разные «ученые» пишут по-разному [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12]. Более того, Т. Н. Макаров утверждал, что и в арабском допустимо «гласные заменять одну другой или вовсе выбрасывать», в подтверждение чего ссылался на мнения неких «ученых кадиев» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12об.]. Исходя из этого, он призывал выбрасывать и возвращать гласные и в записи татарских слов «по духу татарского языка и по самой гармонии звуков» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12об.]. Отметим, что Т. Н. Макаров все же приводил и конкретные особенности татарской фонетики, неизбежно ведущие к искажению арабских слов в устной речи горцев, но анализ этих особенностей мы оставим профессиональным арабистам и тюркологам [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12об.]. Нас же больше интересует тот факт, что русский автор принципиально отстаивал право писать слова «кавказско-татарского языка» в соответствии с собственным видением, с неким не сформулированным точно «духом языка». Как нам представляется, подобный подход тоже очень хорошо укладывается в

инструменталистскую и игнорирующую ценность горских языков логику Т. Н. Макарова. Кстати, напомним, что, по свидетельству П. К. Услара, куда лучше знавшего горскую специфику, чем Т. Н. Макаров, ученые горцы все же старались писать арабские слова в соответствии с арабским правописанием.

В любом случае текст Т. Н. Макарова был достаточно некорректен даже не по отношению к горцам, но по отношению к подвергнутому разгромной критике академику Б. А. Дорну, а заканчивался прямой просьбой либо издать исправленную рукопись (судя по контексту, в ней было только скорректировано написание тех арабских слов, ошибки в которых исправил Б. А. Дорн), либо «указать другое руководство для кавказско-татарских наречий», какового на начало 1850 г. не существовало в принципе [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12об.].

5. Критика «учебника кавказско-татарского языка» Т. Н. Макарова востоковедом Н. В. Ханыковым

Возможно, именно специфическая позиция Т. Н. Макарова, бравировавшего знаниями кавказских «наречий», привела к тому, что вторично рецензировать его учебник поручили человеку, куда более компетентному в вопросах кавказского языкознания, известному востоковеду Н. В. Ханыкову. И рецензия Н. В. Ханыкова интересна тем, что содержит как раз преимущественно критику самого взгляда Т. Н. Макарова на тюркские языки Кавказа, причем критику не столько с научных, сколько с практических позиций.

Н. В. Ханыков, в отличие от Б. А. Дорна, сразу обратил внимание на важнейший порок представленного ему на рецензирование текста. «Главный недостаток книги господина Макарова состоит в ее общности, которую он признал нужным придать ей, назвав ее учебником кавказско-татарского языка, между тем, как всем здесь живущим известно, что такого языка нет да и быть не может», — писал востоковед [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29]. Мы не будем останавливаться на критике Н. В. Ханыковым идеи «кавказско-татарского языка» с научной точки зрения: его совершенно справедли-

вые рассуждения по этому вопросу очевидны для современного читателя и сводятся к тому факту, что тюркские языки Кавказа сильно отличались друг от друга [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29–29об.]. Однако, как мы видели выше, об этом прекрасно знал и сам Т. Н. Макаров, конструирующий условный «кавказско-татарский язык» не с научными, но с инструменталистскими целями. Вот только Н. В. Ханыков, признавая допустимость такого подхода в принципе, в то же время указывал, что обучение «кавказско-татарскому языку» по учебнику Т. Н. Макарова отнюдь не позволит ученику «понимать то, что говорят и пишут здешние татары и передавать им понятным для них языком свои мысли» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29об.]. И причина этого заключалась как раз в неэффективности конструкта «кавказско-татарского языка» уже не с научной, но с практической точки зрения: по мнению Н. В. Ханыкова, Т. Н. Макаров не понимал, что «ногайского татарина в Карабахе если и поймут, то с трудом», и, соответственно, крайне недооценивал различия между диалектами северного и южного «свесов» Кавказа [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29об.–30]. Согласно Н. В. Ханыкову, объединять различные «наречия» тюркских языков Кавказа в одном учебнике, не обращая специального внимания на их лингвистическое сходство, имело смысл только до тех пор, пока эти наречия оставались взаимопонимаемыми, т. е., фактически, отдельно для земель к северу и к югу от Кавказского хребта [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.].

Итак, языковая картина Кавказа, созданная в работах Т. Н. Макарова, была неверной не в том, что переводчик пытался объединять тюркские «наречия» Кавказа, которые ныне считаются отдельными языками. И Б. А. Дорн, и Н. В. Ханыков считали подобный подход допустимым в чисто практических целях, пока в его рамках объединялись близкие языки и осознавалась его условность. Ключевой ошибкой Т. Н. Макарова стало то, что он, зная о различиях «татарских наречий Кавказа», все равно иррационально трактовал свой «кавказско-татарский язык» не как условный конструкт,

но именно как полноценный язык, различные наречия которого все же всегда остаются понятны всем его носителям. Кроме того, как мы видели выше, Т. Н. Макаров служил переводчиком преимущественно в Ставрополе и явно значительно хуже понимал языковую ситуацию в Закавказье. И в результате теоретическая ошибка в языковой картине Кавказа привела к фатальным фактическим ошибкам. Разумеется, хуже всего обстояло дело с главным закавказским «наречием», с которым переводчик сталкивался меньше всего: как отмечал Н. В. Ханыков, составленные Т. Н. Макаровым учебные диалоги на азербайджанском были таковы, что «неграмотный татарин ничего в них не поймет, но и грамотный должен очень и очень подумать, что ему хотят сказать в них» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30]. К сожалению, о том, насколько точны были представления Т. Н. Макарова о кумыкском и ногайском «наречиях», ориенталист не писал. Судя по контексту, они были менее превратны, чем в случае с азербайджанским, однако тяга к универсализации и невниманию к деталям, характерные для Т. Н. Макарова, негативно сказались и в их случае.

И здесь мы переходим к самой интересной части текста Н. В. Ханыкова, части, в которой он описывал, как на практике соотносился «кавказско-татарский язык» Т. Н. Макарова и наречия кавказских горцев XIX в. Прежде всего, востоковед прямо указывал на то, что, «ученик, говоря, как учат его разговоры¹, будет выражаться и неправильно, и непонятно» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.]. Порождалась же эта непонятность незнанием Т. Н. Макаровым базовой татарской грамматики: «господин Макаров еще не вполне усвоил себе разницы в расположении слов каждого предложения на Русском и Татарском, разницы такой, что почти всегда, переводя слово в слово с одного языка на другой, не только говоришь неправильно, но и совершенно непонятно» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.]. В связи с этим неизбежно снова встает вопрос о том, насколько соответствует действительности «Татарская грамматика кавказского

¹ Имеются в виду из «учебника кавказско-татарского языка».

наречия». Судя по отзыву Н. М. Ханыкова, Т. Н. Макаров совершенно не следил за правильностью грамматических конструкций и позволял себе кальку с русских предложений, что, кстати, хорошо укладывается в его общее отношение к горским языкам. Правописание у русского переводчика, согласно рецензии, было некорректным не только в арабских словах: он в принципе ориентировался исключительно на звучание слов, игнорируя все прочие основания для правописания [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.]. Что же касается слов арабских (напомним, Н. М. Ханыков работал с рукописью, уже исправленной Т. Н. Макаровым на основании замечаний Б. А. Дорна), то они писались «очень неправильно» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.].

И нам остается констатировать, что языковая картина Кавказа, созданная в работах Т. Н. Макарова, была неверной не только с научной точки зрения, но и с точки зрения более опытного практика, каковым являлся служивший при М. С. Воронцове Н. М. Ханыков. Эта картина не просто предполагала существование единого «кавказско-татарского языка»: данный язык конструировался крайне примитивно, без должного внимания не только к разнице между его наречиями, но и к грамматике, и к правописанию. Вообще, из рецензии Н. М. Ханыкова складывается впечатление, что Т. Н. Макаров зачастую использовал русские грамматические конструкции, просто заменяя русские слова «татарскими», причем не всегда соответствующими нужному «наречию» и просто некорректно записанными. Такой вердикт может показаться крайне суровым, но мы бы хотели напомнить, что Т. Н. Макаров, по собственному признанию, по прибытии на Кавказ местных языков не понимал вовсе, а непосредственно в станицах, причем, очевидно, преимущественно кумыкских, прожил всего 2 года. Да и вообще, судя по позднейшей полемике с П. К. Усларом, Т. Н. Макаров был поразительно не чуток к деталям чужого языка: П. К. Услар вполне резонно писал, что иллюстрация, изображающая, как арабские дети читают с доски французскую надпись, на которой самое название Франции написано с ошибкой, скорее всего

является карикатурой на французское образование в Алжире, смысла которой русский чиновник не понял, просто не обратив внимания на ошибку и считав только внешнюю канву сюжета, детей из колонии, учащихся языку метрополии [Услар 1870: 11]. Таким образом, у Т. Н. Макарова просто не было ни достаточного опыта, ни достаточных знаний, ни достаточной интуиции, чтобы адекватно исследовать тюркские языки Кавказа. В то же время условный «кавказско-татарский язык» Т. Н. Макарова, очевидно, был вполне достаточен для базовой коммуникации с жителями той части Кавказа, где он работал переводчиком. Однако попытка на основании подобного «языка» составить учебник всех «общеупотребительных наречий» кавказских тюрков была заведомо обречена на провал. Н. М. Ханыков вообще писал, что задача написать учебник всех «татарских наречий» Кавказа не под силу ни одному «из живущих ныне ориенталистов», просто в силу не разработанности данных наречий в науке и отсутствия людей, достаточно знавших их все [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29об.].

В заключение отметим, что Н. М. Ханыков дал Т. Н. Макарову три простых совета, наглядно демонстрирующих степень ошибочности языковой картины Кавказа, существовавшей в воображении русского переводчика. Эти советы сводились к пожеланиям ограничить материал учебника одним из «свесов» Кавказа, проверить правописание всех татарских слов в учебнике по существующим словарям, чтобы «не вводить учащихся в заблуждение», и, наконец, давать свои тексты на вычитку какому-либо «грамотному туземцу», способному почувствовать неестественность в самом порядке слов в предложениях [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29 об.–30]. Публикацию учебника Т. Н. Макарова в существующем виде Н. М. Ханыков считал довольно бессмысленной: дословно он писал, что она «вряд ли принесет ученикам ту пользу, на которую рассчитывает господин Макаров» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29]. Тем не менее востоковед выражал надежду на то, что переводчик не оставит своих ученых занятий, поскольку потребность в учебни-

ке кавказских языков действительно была острой [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30–30об.]. Однако после получения рецензии Н. М. Ханыкова Т. Н. Макаров отказался от попыток опубликовать свой учебник. Более того, в дальнейшем на отделении восточных языков Новочеркасской гимназии перестали практиковать преподавание кавказских языков русскими переводчиками: вместо этого учительские должности стали замещаться «грамотными туземцами» [Артинский 1907: 349–350]. Впрочем, с чисто практической точки зрения Т. Н. Макаров оказался не самым плохим педагогом: когда в 1854 г. в Новочеркасск приедет преподавать аварский просветитель М. Э. Хандиев, не знавший на тот момент русского, он сможет общаться с некоторыми учениками на кумыкском [Услар 1870: 19].

6. Выводы

Творческое наследие Т. Н. Макарова оригинально в том отношении, что его автор был не сколько-либо значимым ученым-востоковедом, но сначала рядовым переводчиком, а затем чиновником на Кавказской линии. Однако при этом он попытался создать труд, описывающий языковую ситуацию на Кавказе в целом. И та языковая картина Кавказа, которая содержится в его трудах, сильно расходится с реальностью. Это взгляд снизу, из кумыкских аулов и Ставрополя, взгляд человека, не знавшего должным образом ситуацию на остальном Кавказе, но пытавшегося реконструировать ее. Наконец, это взгляд убежденного русификатора, человека, для которого горские языки были исключительно средством коммуникации и не имели самоценности. Кстати, отметим, что, вероятно, именно это сделало неактуальной научную деятельность Т. Н. Макарова уже с 1850 г.: он оказался неспособен конкурировать с теми же Н. М. Ханыковым и П. К. Усларом, с А. А. Шифнером и горскими просветителями, которые любили и исследовали язык, а не просто использовали его. Тем не менее как раз ошибочные и специфичные воззрения Т. Н. Макарова на языки Кавказа представляют серьезный интерес. Благодаря проанализированным нами

документам мы можем понять, какой видел языковую картину Кавказа русский чиновник-переводчик, не имевший специальных знаний о ней, но обладавший большим практическим опытом. И основные особенности этой языковой картины можно свести к следующему;

1) в качестве основного языка Кавказа рассматривался «кавказско-татарский язык» (или «кавказское наречие татарского языка»), который, хотя и не был родным для всех горцев, служил своеобразной *lingua franca*. Теоретически Т. Н. Макаров понимал, что данный «язык» представляет собой нелингвистический конструкт, искусственное объединение несходных говоров по географическому принципу, однако на практике рассматривал его именно как полноценный язык, все наречия которого безусловно взаимопонимаемы;

2) таких наречий Т. Н. Макаров выделял три: кумыкское, ногайское и азербиджанское. При этом он, безусловно, владел базовым кумыкским и мог научить ему учеников, а азербайджанского фактически не знал, и составленные им в учебных целях диалоги на этом языке были непонятны для простого азербайджанца (о том, насколько Т. Н. Макаров владел ногайским, сведений нет). Однако, исходя из предыдущего пункта, русский переводчик недооценивал разницу между кумыкским и азербайджанским, и считал, что способен не только говорить на последнем «наречии», но и обучать ему;

3) отношение Т. Н. Макарова к «кавказско-татарскому языку» было сугубо инструменталистским: он изначально прибыл на Кавказ, чтобы готовиться к учительству в школе военных переводчиков. Соответственно, для его цели было достаточно добиться понимания с носителем языка, а вопросы выверенности грамматики, орфографии и т. д. волновали русского чиновника значительно меньше. По оценкам Н. В. Ханыкова и Б. А. Дорна, Т. Н. Макаров часто использовал русские грамматические конструкции, переводя их слово в слово, а его правописание основывалось исключительно на фонетике.

Литература и источники

- Абдуллабекова 2018 — *Абдуллабекова У. Б.* «Татарская грамматика кавказского наречия» — первая кириллическая грамматика кумыкского языка // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2018. № 16. С. 24–28.
- Алиев 1982 — *Алиев К. М.* Интересная находка в Ставрополе // Дагестанская правда. 1982. № 183. С. 7.
- Артинский 1907 — *Артинский И. П.* Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1907. 469 с.
- Бекоева, Кудзаева 2014 — *Бекоева Т. А., Кудзаева А. Г.* Полемика между Кази Атажукиным и Тимофеем Макаровым по поводу введения письменности в Кабарде // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2014. Вып. 14 (53). С. 3–8.
- ГА РО — Государственный архив Ростовской области.
- Колесов, Сень 2020 — *Колесов Д. И., Сень Д. В.* «Препровождая здесь дошедшее от почтеннейшего анапского Мустафы-паши оригинальное письмо и перевод с оног...»: практики российско-османской коммуникации в Северном Причерноморье (1792–1828 гг.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2020. № 12. С. 602–645. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00019
- Конанов 1982 — *Конанов А. Н.* Из истории кумыкского языкознания // Советская тюркология. 1982. № 1. С. 48–50.
- Кримський 1974 — *Кримський А. Ю.* Тюрки, їх мови та літератури // А. Ю. Кримський. Твори в п'яти томах. Т. IV. Київ: Наукова думка, 1974. С. 447–584.
- Макаров 1848 — *Макаров Т. Н.* Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника кавказского, 1848. 144 с.
- Муцалханов 2003 — *Муцалханов М. С.* Грамматика Тимофея Макарова: поиски, находки, исследования [электронный ресурс] // Вести Кумыкского научно-культурного общества. 2003. № 8–10. URL: <https://web.archive.org/web/20160806030748/http://kumukia.ru/article-5003.html> (дата обращения: 10.07.2024).
- Услар 1870 — *Услар П. К.* О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис: Тип. Гл. управления Наместника Кавказского, 1870. С. 1–30.

References

- Abdullabekova U. B. “The Tatar Grammar of the Caucasian Dialect” is the first Cyrillic grammar of the Kumyk language. *Herald of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art*. 2018. No. 16. Pp. 24–28. (In Russ.)
- Aliev K. M. One interesting find from Stavropol. *Dagestanskaya pravda*. 1982. No. 183. P. 7. (In Russ.)
- Artinsky I. P. Novocherkassk Military Gymnasium: A Historical Essay. Novocherkassk: Don Host Oblast Press, 1907. 469 p. (In Russ.)
- Bekoeva T. A., Kudzaeva A. G. The dispute of Kazi Atazhukin and T. Makarov on the introduction of written language in Kabarda. *Izvestiya SOIGSI*. 2014. No. 14 (53). Pp. 3–8. (In Russ.)
- State Archive of Rostov Oblast.
- Kolesov D. I., Sen D. V. “Accompanying here the original paper came from the most venerated Mustafa Pasha of Anapa and a translation from it...”: Russian-Ottoman communication's practices at the Northern Black Sea shore (1792—1828). *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2020. No. 12. Pp. 602–645. (In Russ.) DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00019
- Konanov A. N. Historical insights into Kumyk linguistics. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1982. No. 1. Pp. 48–50. (In Russ.)
- Krimsky A. Yu. Turks, their languages and literatures. In: Krimsky A. Yu. Writings. In 5 vols. Vol. 4. Kiev: Naukova Dumka, 1974. Pp. 447–584. (In Ukr.)
- Makarov T. N. Grammar of Caucasian Tatar. Tiflis: Caucasus Viceroy's Office, 1848. 144 p. (In Russ.)
- Mutsalkhanov M. S. Timofey Makarov and his Grammar Book: Pursuits, finds, studies. *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva*. 2003. No. 8–10. Available at: <https://web.archive.org/web/20160806030748/http://kumukia.ru/article-5003.html> (accessed: 10 July 2024). (In Russ.)
- Uslar P. K. Enhancing literacy among highlanders. In: Collected Accounts of Caucasian Highlanders. Vol. 3. Tiflis: Caucasus Viceroy's Office, 1870. Pp. 1–30. (In Russ.)

